

**Яковлев Александр Степанович**

**Руал Амундсен**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94  
ББК 63.3-8  
Я47

Я47 **Яковлев Александр Степанович**  
Руал Амундсен / Яковлев Александр Степанович – М.: Книга по Требованию, 2012. – 185 с.

**ISBN 978-5-4241-1764-0**

С именем Руала Амундсена связаны едва ли не самые героические страницы истории открытия Земли, и описания его путешествий в Арктику и Антарктику вызывают и в наши дни живейший интерес широкого круга читателей.

**ISBN 978-5-4241-1764-0**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2012  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2012

Руал Амундсен





# Море зовёт

По узким мосткам школьники прошли на пароход и сели цепочкой вдоль борта. Помощник учителя Кнутсен внимательно оглядел каждого мальчика. У всех в руках или за плечами были сумки с едой. Последним на пароход поднялся учитель Нордаль.

Палуба парохода была открыта со всех сторон; брезентовая крыша защищала пассажиров от дождя и солнца.

Город только просыпался. Солнце выходило из-за дальних гор. В долине под Нурмаркеном ещё лежали синие тени. Вода у набережной казалась маслянистой и неподвижной. С пронзительными криками носились над водой чайки.

Пароход дал свисток. Под палубой зашипел пар. Два матроса убрали мостки, сняли чалки, и полоса воды меж берегом и пароходом стала расширяться. Мальчики встали со своих мест и звонко запели:

Да, мы любим эти скалы...

Громче и задорнее всех пел мальчик в зелёной куртке и зелёной шляпе. Кнутсен кивал мальчику головой в такт песне и, когда песня окончилась, сказал улыбаясь:

— У тебя, Руал, самый сильный голос.

— И самый неприятный, — тотчас же откликнулся насмешливый сосед Руала, белокурый мальчуган Фалькенберг.

Мальчики громко рассмеялись и заговорили, перебивая друг друга:

— У Руала в горле петух сидит.

— Какой там петух... Морж! Ишь, как ревёт!

Кнутсен унял шутников:

— Ну, не обижайте его. Смотрите, как хорошо кругом!

Отойдя от пристани, пароход прибавил ходу, и город стал удаляться. Тёмная зелень под горами постепенно синела. Белые дома на фоне зелени были похожи на птиц, присевших отдохнуть. Из-за дальней горы шёл к городу поезд. Длинным хвостом тянулся над ним белый пар. Мальчики во все глаза глядели на развёртывавшуюся перед ними panoramu. Многие из ребят впервые ехали по этому фиорду к дальнему городу, лежащему у самого моря.

Пароход быстро шёл мимо берегов, где на обрывах белели красивые дома. Впереди показался низкий каменный остров. Вот он ближе, ближе, уже видны толстые каменные стены и жерла пушек. Учитель Нордалль протянул руку к острову:

— Эта крепость защищает подступы к нашей столице. Смотрите, как грозны эти стены и орудия.

Мальчики присмирили, молча рассматривая укрепления.

Миновав крепость, пароход вошёл в узкий канал, извилистый, как ползущая змея. Высоко над каналом висел мост. По мосту двигались повозки, экипажи, люди. И когда пароход прошёл под мостом, вдали показалось море, ещё не ясное, спрятанное в утреннем тумане. Мальчики запели снова.

Песня стала громче, как только открылась широкая гладь фиорда, сливающаяся с туманным морем. Три шхуны с косыми белыми парусами плыли под гористым берегом, а самой серединой фиорда шёл океанский пароход: и он и шхуны

направлялись к маленькому городку, расположенному на правом берегу.

Судно, на котором ехали мальчики, только подходило к городской пристани, а океанский пароход уже швартовался у соседнего мола. Среди рыбачьих шхун и маленьких пароходиков океанский гость казался великанином. Шумной толпой школьники высыпали на набережную и построились в ряды. Впереди шёл учитель Нордаль в тёмной шляпе, а позади всех Кнутсен. Они шли неторопливо, разглядывая чистенькие городские дома, набережную, корабли.

— Итак, друзья мои, мы в Тонсберге, самом старом городе Норвегии, — сказал Нордаль торжественно. — Этот город основан задолго до рождения нашей столицы Христиании. Смотрите, сколько здесь кораблей! Они приходят сюда с рыбных и китобойных промыслов. Мы обойдём с вами всю набережную, а потом посмотрим, что делается на этих судах.

Набережная уже была полна народу. Вдоль неё в несколько рядов стояли остроносые суда с высокими бортами. На мачтах и ряях висели свёрнутые паруса. Просмоленные верёвочные лестницы и снасти походили на чёрную паутину. У всех парусников на верхушке передней мачты были укреплены бочки. Эти бочки больше всего занимали мальчиков.

— Зачем они там?

— Вы не знаете, для чего бочки на мачтах? — спросил учитель. — Матросы называют эти бочки «вороньими гнёздами». Когда корабль входит во льды, капитан поднимается в это «гнездо» и в подзорную трубу осматривает горизонт: не видно ли где морского зверя, не покажется ли фонтан кита. Чем выше мачта, тем выше «гнездо», тем дальше видно.

Руал не отставал от учителя ни на шаг. Он ловил каждое его слово. В этом городе Руал был впервые, но море, корабли... с ними он сжился давно. Во время летних и зимних каникул Руал уезжал из Христиании в Борге, городок близ Сарпсборга-на-Гломме — самой большой реке Норвегии. Там, на берегу Гломмы, была отцовская судоверфь — Вервен. Зимой на приколе у берега реки стояли десятки судов, вот таких же, как эти. Руал знал даже, как строятся эти суда. Вместе с братьями он часто бывал на верфи.

Старший судостроитель Свэн Ульсен встречал мальчиков ласково, отвечал на сотни их вопросов, объяснял, для чего служит та или иная часть корабля, и разрешал им самим кое-что мастерить. Владелец верфи капитан Амундсен был доволен, что его мальчики с детства приучаются владеть пилой, топором, молотком, рубанком. Он не любил белоручек.

— Приучайтесь работать не только головой, но и руками, — говорил он им. — Ваш дед был рыбак, он не мог дать мне образования, но приучил меня работать не покладая рук. И я стал капитаном. Дети должны знать и уметь больше, чем их родители, иначе жизнь остановится.

Руал не хуже учителя мог сейчас объяснить, для чего служит та или иная часть судна, и всё-таки с жадностью слушал объяснения. Каждое судно было для него увлекательной сказкой. Ведь на этих судах смелые люди ходят в далёкие океаны бить китов, моржей, тюленей, ловить рыбу. Они не боятся ни штормов, ни бурь, ни морозов.

— А где же матросы? — наивно спросил учителя белокурый Фалькенберг.

— Вот они, матросы. — И, указав на трёх мужчин, кативших по узким мосткам большую бочку, Нордаль спросил удивлённо. — Разве ты не видел



матросов раньше?

Мальчуган слегка покраснел.

— Я впервые в Тонсберге, — пробормотал он.

Руал живо повернулся к Фалькенбергу:

— Ты думаешь, матросы это какие-то богатыри?

Мальчик, не отвечая, смотрел на матросов; на них были засаленные рубахи с открытыми воротами, кожаные брюки и высокие неуклюжие сапоги. Обветренные, обожжённые морозами лица... Красные, усталые глаза...

— Разве это матросы?.. — разочарованно протянул Фалькенберг.

— Ну, конечно, матросы.

— Откуда они пришли... такие?

Матросы в это время выкатили бочку на каменную набережную, установили её рядом с другими бочками под деревянным навесом и пошли назад, к мосткам.

— Что разгружаете? — спросил у них Нордаль.

— Китовый жир, — сказал матрос, прикоснувшись рукой к фуражке.

— Далеко были?

— На Шпицбергене, — вежливо ответил матрос и побежал по мосткам на встречу толстенькому человечку, медленно сходившему с судна.

— Слышал? — обратился учитель к Фалькенбергу. — Этот корабль охотился на китов у Шпицбергена. А вот и сам капитан.

Толстенький бритый человечек мало чем отличался от матросов. Только его куртка была, пожалуй, немного чище да на рукаве желтела узкая золотая ленточка.

— А я думал... — пробормотал мальчуган.

Учитель наклонился к нему:

— Что ты думал?

Но тут вмешался Руал:

— Он думал, что капитан высокого роста, силач, а матросы — богатыри.

Учитель и мальчики рассмеялись.

— Нет, мой друг, — ласково сказал Нордаль, — матросы и капитаны не похожи на древних викингов, каких ты встречал в книжках. Теперь ты видишь — это самые обыкновенные люди.

Руал взял Фалькенберга под руку. Он понимал его разочарование. Он и сам ещё недавно представлял себе матросов и капитанов людьми особенными. Но это было ещё до того, как он познакомился с ними на отцовской верфи.

Громко перекликаясь, школьники шли по набережной. Всюду была суэта: по мосткам ползли тачки с кипами тюленьих шкур, с грохотом катились тяжёлые бочки, оббитые железными обручами. Гавань была полна волнующими запахами. Пахло смолой, солёным морем. Множество чаек с пронзительным криком пролетало меж мачтами кораблей, над набережной, над водой, покрытой маслянистыми пятнами. С моря шли маленькие волны, и ветер тихо гудел в реях, будто звал куда-то вдаль, на простор.

Руал, задумавшись, шёл позади товарищей. Он то и дело останавливался у каждого корабля и будто прилипал к нему глазами.

С набережной пошли в город.

— Позвольте мне остаться в порту, — попросил Руал учителя. — Я хочу посмотреть, как здесь работают.



— И я, и я хочу остаться! — раздалось несколько голосов.

Учитель переглянулся со своим помощником:

— Вы, может быть, останетесь с ними, Кнутсен? Мы пойдём в музей, а к полудню встретимся в главной школе.

Школьники разделились. Большинство ушло с Нордалем, а несколько мальчиков с Кнутсеном осталось на набережной, где стоял пароходик, на котором они приехали из Христиании.

Теперь уже нечего было торопиться, и мальчики подолгу разглядывали каждое судно, которое их занимало и казалось необыкновенным.

После ухода учителя Руал стал объяснять товарищам, как управляют судами, как охотятся в далёких северных морях. Он заметно гордился своими знаниями, рассказывал оживлённо, с задором. Было видно, что море для него — родная стихия.

И Кнутсен, с удовольствием слушая мальчика, спросил невольно:

— Ты кем же будешь, Руал, когда кончишь школу?

Руал посмотрел прямо в лицо Кнутсену и ответил решительно:

— Я буду моряком.

## «Ты будешь доктором»

Дверь в комнату тихо отворилась. Мать подняла от шитья голову: на пороге стоял Руал. Его глаза светились. Он радостно улыбался матери, но вдруг смущился, заметив в её глазах слёзы. Улыбка мгновенно погасла, лицо стало хмурым.

— Ты опять плакала, мама?

Мать склонила голову к шитью. Ей совсем не хотелось, чтобы сын видел её слёзы. Не поднимая глаз, она спросила глухим голосом:

— Проводил?

— Проводил, — ответил Руал. — Дождик накрапывает. Леон испугался, что испортит свою новую шляпу, и побежал... как заяц по огороду.

Руал хотел шуткой развеселить мать, но она ещё ниже склонилась к шитью, и мальчик услыхал приглушённый всхлип.

— Ну, мама, не плачь же! — сказал он. — Всё время слёзы да слёзы.

— Я не хочу плакать... Что ж! Раз так надо, пусть уходит. Все сыновья ушли скитаться по свету. Как они будут жить?

Голос у матери дрожал, и Руал видел, что она пытается подавить рыдания.

— Хорошо будут жить, мама. Не бойся. Будут работать, служить. Я тоже скоро начну работать. Ведь мне уже четырнадцать.

Мать покачала головой:

— Нет, ты ещё не скоро будешь работать. Ты должен много учиться, чтобы стать доктором.

Мальчик сел за стол, положил руки на скатерть и внимательно посмотрел в лицо матери.

— Но, мама, я же тебе говорил, что я буду моряком.

— Нет, ты будешь доктором. Я не хочу, чтобы и ты покинул меня. У меня уже никого не осталось. Только ты один... — Она помолчала немножко и сказала тихо, с мольбой: — Неужели и ты меня оставишь?

По лицу мальчика пробежала тень. Он хотел что-то сказать, но промолчал. Прежде он всегда спорил с матерью. Два года подряд он упрямо твердил: «Буду моряком, буду!» Но с тех пор, как умер отец, — а это случилось год назад, — Руал решил не огорчать её. Она теперь часто плакала, вспоминая покойного мужа. Плакала оттого, что большая семья начала распадаться... Вот сегодня ушёл и Леон. И у неё остался только Руал.

Да, мальчик прав. Слезами себе не поможешь. Она успокоилась, подняла голову от шитья и, пристально глядя на сына, сказала тихо, но твердо:

— Так-то, мой мальчик: ты будешь доктором. Пройдет ещё лет шесть или семь, ты окончишь университет, мы поселимся с тобой где-нибудь на тихой улице... а может быть, уедем из Христиании в Борг... и заживём мирной, спокойной жизнью.

Мальчик откинулся на спинку стула и, полузакрыв глаза, слушал мать.

«Доктор?» Руал представил себе их соседа, доктора Леви, седого, вечно кашляющего старика, с рыжеватой бородой, угрюмого, скучного. Он всегда ходит в чёрном сюртуке, и глаза у него такие, будто он недоволен всем миром. Неужели и ему, Руалу, придётся стать таким же, как этот Леви? И он так же будет ходить, опираясь на палку, зимой и летом по одной и той же улице и только менять